

Лилия МЕЛЬНИЧЕНКО

"Корни" Константина Паустовского

В мае этого года исполняется 125 лет со дня рождения Константина Паустовского. Писателя, чье творчество известно во многих странах мира, не говоря уже об Одессе, которой он посвятил отдельную книгу.

Автобиографическая повесть "Время больших ожиданий", опубликованная в 1959 году в журнале "Октябрь", вызвала у одесситов огромный интерес. Именно поэтому в 1961 году Одесское книжное издательство с согласия автора издает ее отдельной книгой. Тираж в 100 тысяч экземпляров поступил в книжные магазины города, где, как свидетельствует легенда, уже стояли очереди в ожидании книг. По той же легенде, весь тираж был раскуплен всего за полдня. Так ли было на самом деле — неизвестно, но то, что это издание находилось почти в каждом одесском доме — это точно.

В подтверждение того, что книга произвела огромное впечатление на одесситов, можно привести несколько фактов. Первая книга Михаила Жванецкого вышла под названием "Время больших перемен". А Леонид Утесов одну из глав своей последней книги "Спасибо, сердце" назвал "Время больших перемен". Как видим, все названия переключаются.

Кроме того, повесть дала толчок для многих исследований и в области краеведения, и собственно жизни самого писателя, который приезжал в Одессу несколько раз. Были обнаружены интересные факты и не менее интересные документы, подтверждающие либо опровергающие то, о чем написал автор. А спустя годы это стало частью экспозиции Одесского литературного музея, а затем и Мемориального музея К.Г. Паустовского.

Уникальные документы, рукописи и редкие издания неизменно привлекали музейных посетителей. Однако сегодня они интересуются не только творчеством писателя, но и откуда он родом, кто его предки и какова история происхождения фамилии.

Кажется, за столько лет исследований мы должны были бы знать о Константине Паустовском если не все, то многое. Но на деле оказалось, что о жизни писателя, о его "корнях" мы знаем очень мало. И причина тому, как это ни парадоксально — сам Константин Георгиевич. Его автобиографические произведения, где удивительным образом переплетены реальные факты и художественный вымысел, выглядят настолько убедительными, что долгие годы вводили в заблуждение многих исследователей. В том числе и сына писателя — Вадима Паустовского, владельца части семейного архива отца.

Прежде всего, это относится к написанию родословной писателя, где основным отправным источником служили его автобиографические произведения. К слову, не зови их Паустовский автобиографическими, и отношение к ним было бы другое. Сам же Константин Георгиевич считал, что автобиографию писать еще не время: "...Каждый год дает новое понимание прошлых лет, когда жизнь в своем непрерывном расцвете делает настоящее и будущее гораздо более заманчивыми, чем было прошлое. Воспоминания меркнут перед настоящим днем". Было ли это искреннее убеждение писателя или так диктовало время — неизвестно. Сегодня мы можем только строить догадки о причинах отсутствия в семейном архиве документов по

истории рода Паустовских. Ведь если бы они сохранились, то сын писателя Вадим упомянул бы об этом. А ведь Константин Паустовский написал о них в своей первой автобиографической повести "Далекие годы".

Повесть посвящена детским и юношеским годам главного героя, т. е. Константина Паустовского, и начинается словами: "Я был гимназистом последнего класса киевской гимназии, когда пришла телеграмма, что в усадьбе Городище, около Белой Церкви, умирает мой отец. На следующий день я приехал в Белую Церковь". Далее Паустовский пишет: "После похорон отца я прожил еще несколько дней в Городище... Тетушка Дозя старалась утешить меня и развлечь. Она вытащила из чулана — каморы — сундук, полный старинных вещей. Крышка его открывалась с громким звоном. В сундуке я нашел пожелтевшую написанную по-латыни гетманскую грамоту — "универсал", медную печать с гербом, Георгиевскую медаль за турецкую войну, "Сонник", несколько обкуренных трубок и черные кружева тончайшей работы. "Универсал" и печать остались у нас в семье от гетмана Сагайдачного, нашего отдаленного предка. Отец посмеивался над своим "гетманским происхождением" и любил говорить, что наши деды и прадеды пахали землю и были самыми обыкновенными терпеливыми хлеборобами, хотя и считались потомками запорожских казаков".

Хутор Городище (ныне Пилипче-Городище, Киевская область) — родовое гнездо Паустовских, где родился отец писателя Георгий Максимович. Сегодня мы знаем, что основателем городищенской ветви рода Паустов-

ских был однодворец Дмитрий Антонович Паустовский (1793 — 1849) — прадед писателя. У него было пятеро сыновей и дочь. Его старший сын Максим Дмитриевич (1821 — 1862) — дед писателя, представлен в повести как Максим Григорьевич. У него было трое сыновей и три дочери. Старший сын Георгий — отец писателя (1854 — 1912). К слову, дед писателя умер за тридцать лет до его рождения, а значит, все воспоминания о нем, описанные в повести, вызывают сомнения.

Очередной приезд Константина Паустовского в Городище состоялся в 1954 году, в год столетия отца. К тому времени уже не было ни дома, ни хуторского хозяйства. Осталось только несколько деревьев от большого сада.

Следует добавить, что повесть "Далекие годы" стала первой частью автобиографического цикла "Повесть о жизни", а "Время больших ожиданий" — четвертой. Кроме того, в цикл, состоящий из шести повестей, вошли также "Беспокойная юность", "Начало неведомого века", "Бросок на юг" и "Книга скитаний". Все они были написаны в период с 1945 по 1962 год и объединены в отдельное издание в 1962 году. Но еще в 1937 году в журнале "Детская литература", в рубрике "Писатели о себе", был помещен очерк Константина Паустовского "Несколько слов о себе", который условно можно обозначить как "наброски к автобиографии". Этот текст повторно был опубликован лишь в 2000 году в журнале "Мир Паустовского".

Насколько можно полагаться на полную достоверность событий, в нем изложенных, покажет время, но отдельные факты жизни писателя уже нашли свое подтверждение.

Константин ПАУСТОВСКИЙ
Несколько слов о себе

После разгрома Запорожской Сечи в XVIII веке часть запорожских казаков расселили по веселым берегам реки Рось, около Белой Церкви, и заставили заниматься хлебопашеством. В числе этих казаков был и мой прадед — крутой и насмешливый старик.

Деда моего забрали в солдаты при Николае Первом. После турецкой войны он вернулся домой без руки, но с женой-турчанкой. Бабу-турчанку я еще помню. Она выкуривала в день коробку крепкого табаку и была неистощима на разговоры. Дед был маленький светлоглазый старик. Все дни он сидел на пасеке: боялся бабки. Он был пасечником по натуре — человеком кротким, но ворчливым. Он рассказывал нам, своим внукам, старинные сказки и героические свои подвиги во время войны с "басурманами".

Отец мой окончил сельскую школу и провинциальную гимназию и стал статистиком. Эта либеральная профессия соответствовала его взглядам, но шла вразрез с его характером — он был непоседлив, добр, вспыльчив, считал лучшим занятием в мире путешествия; был широко образован, любил литературу, втайне гордился своей дружбой с художником Врубелем, проводил почти все время в обществе журналистов. Раннее мое детство прошло на Украине — в сырых, росистых левадах-рощах, в полях конопли, в беленых, чисто прибранных хатах.

Позднее детство прошло в Киеве, в нужде. Отец не мог прослужить нигде больше года, не поссорившись с начальством. Он требовал справедливости в эпоху, когда справедливость считалась почти государственным преступлением.

С четырнадцати лет я жил вне семьи. Учился в Киевской классической гимназии. Все классы в этой гимназии делились на два отделения — первое и второе. В первом сидели дети киевской знати — дворян и помещиков, во втором — плебеи. Я был во втором. Несколько раз в году происходили неслыханные по своей жестокости схватки между первым и вторым отделениями. Побеждало второе. Особенно крепко и хотым били племянника сербского короля Карагеоргиевича, надменного юношу, приезжавшего в гимназию в лакированном ландо с золотыми гербами.

Несколько раз меня исключали из гимназии — за невзнос платы (с пятого класса я платил сам, зарабатывая уроками), за неподходящий образ мыслей, даже за то, что в классном сочинении я привел слова Пушкина о Державине: "Подлость Державина для меня непонятна". В гимназии я учился средне, все время читал, читал запоем, и книги открыли мне мир сверкающий и печальный. От чтения и ожесточения мыслей я глож, слеп, забывал есть и не спал по ночам.

Детства я не знал. Семья быстро распалась. Отец уехал служить в провинцию. Мать уехала с ним. Я остался в Киеве один. Я снимал каморку в Диком переулке — его название хорошо определяло быт, окружавший меня в те годы.

Радостей было немало: книги, театр (галерка), Днепр и осенние киевские сады. Я часто пропускал уроки, чтобы бродить в этих пышных золотых садах, вспоминать стихи знаменитых и безвестных поэтов.

Хорошо помню революцию пятого года — расстрелы демонстраций, еврейские погромы, восстание саперов. Я помогал вместе с другими мальчишками еврейской самообороне, все дни дрожал от невыносимого возбуждения. Помню приезд в Киев президента Трансваальской республик Крюгера. Я смотрел на него, как на воскресшего великого героя — Наполеона или Юлия Цезаря. Крюгер же был тучный старик с серым плоским лицом.

Однажды в Мариинском парке я встретил гардемарина. Высокий, в черной морской форме, со старинным прямым палашом, с летящими по ветру ленточками матросской бескозырки, он быстро прошел мимо меня, вздымая вихрь сухих акациевых листьев, и внезапно я почувствовал невыносимую тоску — где-то далеко переливались и сверкали моря, пели снасти, шумели пестрые страны, корабли уходили в ночь, как в звездное небо, по великим мировым путям! С тех пор жажда скитаний не оставляла меня ни на минуту.

Университет оказался мне застенком. Таким он и был на самом деле. Его длинные коридоры были перегорожены железными решетками на случай "студенческих беспорядков". Во время схода полиция закрывала эти решетки и быстро превращала университет в тюрьму.

Меня одолевала жадность к жизни. Я бросил университет, начал скитаться и менять профессии. Я был кондуктором трамвая в Москве. Началась война. Меня уволили за то, что я бесплатно возил раненых солдат. Я ушел санитаром на фронт. Я видел разгромленную Галицию, пожар Бреста, видел тысячи раненых и убитых, но на всю жизнь запомнил маленького мальчика в гимназической шинели, затоптанного насмерть толпой беженцев, бросившихся к котлам за похлебкой. Когда я подбежал к нему, слезы еще стекали по его худым, уже мертвым щекам. Этот мальчик был совсем один, он потерял мать во время бегства, он испуганно и застенчиво бродил среди обозов, среди дымных военных становищ, искал помощи, тепла, ласкового слова.

Вся сила ненависти к войне, ко всему старому строю изменяется этим воспоминанием. Тогда я выхватил револьвер, невыносимый гнев душил меня, но передо мной была толпа несчастных, одичавших от голода людей. Они дрались из-за куса вареной говядины. Я выхватил револьвер и разрядил его в небо. Сейчас это кажется мне самому смешным, но этим выстрелом я сразу покончил со всем своим прошлым, с наивной верой в необходимость всепрощения. С фронта меня выслали за оскорбительный отзыв о Николае Романове.

После этого я работал токарем на южных заводах — в Екатеринославе, Юзовке, Таганроге. Я узнал, что значат слова "потомственный рабочий". Любовь и величайшее уважение к "старой гвардии" пролетариата сгладили страшную память военных дней. Пришла революция, газетная работа и новые скитания, вызванные гражданской войной. Киев, Полесье, бои с бандами, Одесса — ее пустой порт, ее пустыне в то время улицы, где буйно разрасталась акация, работа в газете "Моряк". Это была необыкновенная газета. В ней было около ста сотрудников — писателей, поэтов, художников, лоцманов, матросов, капитанов и грузчиков. Гонорар платили хлебом и табаком. Крепкий черноморский смех гремел в редакции с утра до ночи. Был голод, но люди смеялись — будущее шумело вокруг, каждый день был талантлив и свеж. Багрицкий приносил в редакцию свои стихи и пел их своим хриплым взволнованным голосом.

В Одессе он впервые начал писать. Тогда в Одессе начали писать Бабель и Катаев, Ильф и Олеша, Багрицкий и Гехт. Я никогда не забуду работу Бабеля над словом. Я наблюдал ее и понял, что каждое слово заключает в себе великие опасности и вместе с тем великие возможности для писателя. Для точного владения словом нужен беспощадный вкус, строгость.

Из Одессы я уехал на юг на старом парохоме, груженном минами. Девять дней нас мотало в открытом море ледяным штормом. Мы погибали и звали о помощи по радио, но ни-

кто не мог нам помочь — весь флот был увиден белыми за границу. Я жил в Сухуме, Батуме, Тифлисе, изъездил все Закавказье. Тифлис навсегда остался в памяти как город почти фантастический, как одно из гениальных полотен грузинского художника-самоучки Нико Пиросманишвили.

После Тифлиса начался писательский период моей жизни. Стать писателем мне помог не только запас наблюдений, но только стремление рассказать людям волнующие и простые истории, но помогла и упорная жажда собственной полнотности.

Став писателем, я снова с гораздо большей свободой, чем раньше, начал скитаться. Я объездил сожженные сухим солнцем берега Каспийского моря, глинистые пустыни, Дагестан, Волгу, полярный Урал, Карелию, Север, мещерские леса, Каму, Крым, Украину, спускался в шахты, летал, плавал на лодках по глухим рекам, изучал Новгород Великий и Колхиду, калмыцкие степи и Онежское озеро — в поисках людей, в постоянных поисках живых, прекрасных черт новой жизни.

Я считаю, что только в движении, в непрерывном соприкосновении с жизнью можно понять и почувствовать сущность эпохи и передать в меру своих сил это действительное ощущение другим.

Но жизнь не кончена, и писать автобиографию еще рано. Поэтому я кончаю.